

Azrail

By Mikhail Lermontov

(1831)

Translated by Paul Connell

(April 2011)

Речка, кругом широкие долины, курган, на берегу издохший конь лежит близ кургана, и вороны летают над ним. Всё дико.

Азраил

(сидит на кургане)

Дождуся здесь; мне не жестка
Земля кургана. Ветер дует,
Серебряный ковыль волнует
И быстро гонит облака.
Кругом всё дико и бесплодно.
Издохший конь передо мной
Лежит, и коршуны свободно
Добычу делят меж собой.
Уж хладные белеют кости,
И скоро пир кровавый свой
Незваные оставят гости.
Так точно и в душе моей:
Всё пусто, лишь одно мученье
Грызет ее с давнишних дней
И гонит прочь отдохновенье;
Но никогда не устает
Его отчаянная злоба,
И в темной, темной келье гроба
Оно вовеки не уснет.

[There is] a rivulet, [and] a burial mound surrounded by wide valleys, on the banks a dead steed lies close to the burial mound and ravens fly above them. Everything is wild.

Azrail

(He sits on the burial mound)

I will wait here; I don't find the ground of the burial mound too hard. The wind blows, the silvery feather-grass ripples and quickly pursues the clouds. Everything around is wild and fruitless. A dead steed lies in front of me, and kites freely divide the prey amongst themselves. Already the cold bones are turning white, and soon their bloody feast will leave their unnamed guest. And exactly so in my soul: everything is empty, only one torment from days long past gnaws at it and chases away my repose; but its desperate evil will never tire, and in the dark, dark cell of a coffin it will never sleep for eternity.

Всё умирает, всё проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров
И с ними вместе исчезает.
Но дух мой гибели не знает;
Живу один среди мертвецов,
Законом общим позабытый,
С своими чувствами в борьбе,
С душой, страданиями облитой,
Не зная равного себе.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я всё мгновенное люблю,
Утрата мучит грудь мою.
И я бессмертен, и за что же!
Чем, чем возможно заслужить
Такую пытку? Боже, боже!
Хотя бы мог я не любить!

Everything will die, everything will pass on. I look on, century after century age leads away crowds of nations and worlds and vanishes with them. But my spirit does not know destruction; I live alone amidst the dead, forgotten to the general law, with my own feelings in combat, with a soul soaked with sufferings, not knowing an equal to myself. Half-earthly, half-heavenly, persecuted with a miraculous fate, I love every moment, loss tortures my breast. And I am immortal, and for what! How, how is it possible to merit such a torture? God, God! Even if I could not love!

Она придет сюда, я обниму
Красавицу и грудь к груди прижму,
У сердца сердце будет горячей;
Уста к устам чем ближе, тем сильнее
Немая речь любви. Я расскажу
Ей всё и мир и вечность покажу;
Она слезу уронит надо мной,
Смягчит творца молитвой молодой,
Поймет меня, поймет мои мечты
И скажет: «Как велик, как жалок ты».
Сей речи звук мне будет жизни звук,
И этот час последний долгих мук.
Клянусь воспоминание об нем
Глубоко в сердце схоронить моем,
Хотя бы на меня восстал весь ад.
Тот угол, где я спрячу этот клад,
Не осквернит ни ропот, ни упрек,
Ни месть, ни зависть. Пусть свирепый рок
Сбирает тучи, пусть моя звезда
В тумане вечном тонет навсегда,
Я не боюсь: есть сердце у меня,
Надменное и полное огня,
Есть в нем любви ее святой залог,
Последнего ж не отнимает бог...

She will come here, I will embrace the beauty and clasp my breast to hers, by her heart my heart will become hot; as my mouth gets closer to her mouth, then the mute speech of love will be stronger. I will tell her everything and show her the world and eternity; she will let tears fall beneath me, will soften the creator with a young prayer, will understand me, will understand my dreams and will say: "How grand, how pitiable you are." The sound of these speeches will be the sound of life to me, and this hour the last of longstanding torments. I swear to bury the memory of them deep in my heart, even if all hell rose against me. Nor murmur, nor reproach, nor vengeance, nor envy will defile that corner where I will conceal that treasure. Let ferocious fate gather storm clouds, let my star eternally sink in the mist forever, I am not afraid: there is a heart in me, haughty and full of fire, there is in it [my heart] a sacred token of her love, the last part of which God will not take away.

Но слышен звук шагов, она, она.
Но для чего печальна и бледна?
Венок пестреет над ее челом,
Играет солнце медленным лучом
На белых персях, на ее кудрях, —
Идет. Ужель меня тревожит страх?

Дева входит, цветы в руках и на голове, в белом платье, крест
на груди у нее.

Дева

Ветер гудёт,
Месяц плывет,
Девушка плачет,
Милый в чужбину скачет.
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут.
Месяц погаснет,
Милый изменит.

Прочь печальная песня. Я опоздала, Азраил. Так ли тебя зовут, мой друг? (Садится
рядом.)

But I hear the sound of steps, it's she, she. But why is she sad and pale? A garland colorfully
shows above her brow, the sun plays with slow rays on her white bosom, on her curls – she
comes. Is it possible that fear troubles me?

The maiden arrives in a white dress, she has flowers in hand on her head, and a cross on her
chest.

MAIDEN

The wind drones,
The month floats,
The girl weeps,
Nice and skipping into the foreign land.
Not the maiden, nor the wind
Becomes silent.
The month extinguishes,
The nice one changes.

Be gone sad song. I am late, Azrail. Is that how they call you, my friend?
(She sits beside [him].)

Азраил. Что до названья? Зови меня твоим любезным, пускай твоя любовь заменит мне имя, я никогда не желал бы иметь другого. Зови как хочешь смерть — уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном, — она все равно поглотит свои жертвы.

Дева. Полно с такими черными мыслями.

Азраил. Так, моя любовь чиста, как голубь, но она хранится в мрачном месте, которое темнеет с вечностью.

Дева. Кто ты?

AZRAIL

What's in a name? Call me as you please, let your love replace my name, I will never want to have a different one. Call death anything you want – destruction, ruin, peace, decay, a dream – it all the same will absorb its victims.

MAIDEN

[You are] full of such black thoughts.

AZRAIL

They are as pure, my love, as a dove, but she [death] is kept in a dismal place, which darkens with eternity.

MAIDEN

Who are you?

Азраил. Изгнанник, существо сильное и побежденное. Зачем ты хочешь знать?

Дева. Что с тобою? Ты побледнел приметно, дрожь пробежала по твоим членам, твои веки опустились к земле. Милый, ты становишься страшен.

Азраил. Не бойся, все опять прошло.

Дева. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. Ты помнишь, когда мы встретились, я покраснела; ты прижал меня к себе, мне было так хорошо, так тепло у груди твоей. С тех пор моя душа с твоей одно. Ты несчастлив, вверь мне свою печаль, кто ты? откуда? ангел? демон?

Азраил. Ни то ни другое.

Дева. Расскажи мне твою повесть. Если ты потребуешь слез, у меня они есть; если потребуешь ласки, то я удушю тебя моими; если потребуешь помощи, о, возьми все, что я имею, возьми мое сердце и приложи его к язве, терзающей твою душу; моя любовь сожжет этого червя, который гнездится в ней. Расскажи мне твою повесть!

AZRAIL

An exile, a being strong and defeated. Why do you want to know?

MAIDEN

What's with you? You pale perceptibly, shivers run through your limbs, your age has dropped to the ground. Dear, you are becoming frightful.

AZRAIL

Don't worry, everything will pass again.

MAIDEN

Oh, I love you, I love you more than beauty. You remember, when we met, I blushed; you pressed me to yourself, and it was so good to me, so warm by your breast. You are unhappy, believe me and my own unhappiness, who are you? From where? Angel? Demon?

AZRAIL

Neither one nor the other.

MAIDEN

Tell me your story. If you demand tears, I have them; if you demand caresses, then I will smother you with mine, if you demand help, oh, take everything that I have, take my heart and enclose it in an ulcer, tearing your soul to pieces; my love burn this worm, which is nesting in it [your soul]. Tell me your story!

Азраил. Слушай, не ужасайся, склонись к моему плечу, сбрось эти цветы, твои губы душистее. Пускай эти гвоздики, фиалки унесет ближний поток, как некогда время унесет твою собственную красоту. Как, ужели эта мысль ужасна, ужели в столько столетий люди не могли к ней привыкнуть, ужели никто не может пользоваться всею опытностью предшественников? О люди! Вы жалки, но со всем тем я сменял бы мое вечное существование на мгновенную искру жизни человеческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но иметь надежду когда-нибудь позабыть, что я жил и мыслил. Слушай же мою повесть.

AZRAIL

Listen, don't be terrified, lean on my shoulder, throw away these flowers, your lips are sweeter-smelling. Let the nearby current take away these cloves [and] violets like time will eventually take away your very own beauty. How is it possible this thought is so terrible, how is it possible that in so many centuries people have not been able to get accustomed to it, how is it possible that no one can use all the experience of their ancestors? Oh People! You are pitiful, but with all that I have I would replace my eternal existence for a momentary spark of human life, in order to feel though only the same as what I now feel, but to have hope to sometime forget that I lived and thought. Listen then, to my tale.

РАССКАЗ АЗРАИЛА

Когда еще ряды светил
Земли не знали меж собой,
В те годы я уж в мире был,
Смотрел очами и душой,
Молился, действовал, любил.
И не один я сотворен,
Нас было много; чудный край
Мы населяли, только он,
Как ваш давно забытый рай,
Был преступленьем осквернен.
Я власть великую имел,
Летал, как мысль, куда хотел,
Мог звезды навещать порой
И любоваться их красотой
Вблизи, не утомляя взор;
Как перелетный метеор,
Я мог исчезнуть и блеснуть.
Везде мне был свободный путь.

AZRAIL'S TALE

When I still shined on the ranks [of heaven] lands did not know that in those years I was already in the world among them, watching with my eyes and spirit, praying, doing, loving. And I wasn't created alone, there were many of us; we populated a wonderful territory, only he [presumably Satan], like your long ago forgotten heaven, was defiled with crime. I had great power, I flew, like a thought, wherever I wanted, I could at times visit stars and admire their beauty up close with a never tiring gaze; Like a meteor flying by, I could disappear and shine. Everywhere was a free path to me.

Я часто ангелов видал
И громким песням их внимал,
Когда в багряных облаках
Они, качаясь на крылах,
Все вместе славили творца,
И не было хвалам конца.
Я им завидовал: они
Беспечно проводили дни,
Не знали тайных беспокойств,
Душевных болей и расстройств,
Волнения враждебных дум
И горьких слез; их светлый ум
Безвестной цели не искал,
Любовью грешной не страдал,
Не знал пристрастия к вещам,
Он весь был отдан небесам.
Но я, блуждая много лет,
Искал — чего, быть может, нет:
Творенье, сходное со мной
Хотя бы мукою одной.
И начал громко я роптать,
Мое рожденье проклинать
И говорил: «Всесильный бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
Желанье глупое храня,
Везде искать мне суждено
Призрак, видение одно.
Ужели мил тебе мой стон?
И если я уж сотворен,
Чтобы игрушкою служить,
Душой, бессмертной может быть,
Зачем меня ты одарил?
Зачем я верил и любил?»

I often saw angels and harked their loud songs, when in the crimson clouds they, swaying on wings, all together glorified the creator, and there was no end to the praise. I envied them; they spent their days carelessly, they didn't know the bitter tears of secrets of agitations, of spiritual pains and frustrations, of the worry of hostile thoughts; their bright mind did not seek obscure goals, did not suffer with sinful love, did not know a predilection for things, it was given entirely to heaven. But I, wandering for many years searched – for what it might be, no: Creation is similar to me, even if by only torment. And I began to loudly grumble, to curse my birth and I said: “All powerful God, you could know about the future, why then did you create me? Keeping a stupid wish, looking everywhere for a ghost or a vision of what is fated to me. Shall my groan be dear to you? And if I am created, to serve as a toy, then why did you give me a possibly immortal soul? Why do I believe and love?”

И наказание в ответ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нет!
Твою беспечность не убью,
Не дам понятия о том,
Что лишь с возвышенным умом
И с непреклонною душой
Изведать велено судьбой.
Чем дольше мука тяготит,
Тем глубже рана от нее;
Обливши смертью бытие,
Она опять его живит,
И эта жизнь пуста, мрачна,
Как пропасть, где не знают дна:
Глотая всё, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на бледное чело,
Приметь морщин печальный ряд,
Неровный ход моих речей,
Мой горький смех, мой дикий взгляд
При вспоминанье прошлых дней,
И если тотчас не прочтешь
Ты ясно всех моих страстей,
То вечно, вечно не поймешь
Того, кто за безумный сон,
За миг столетьями казнен.

And in answer punishment fell on my head. Oh, I won't tell you what kind, no! I won't kill your innocence, I won't give a notion of that, which only with an sublime mind and with an unbending soul can be experienced [and maintain] an orderly fate. the longer the torture is a burden, the deeper the wound from it; having poured over existence with death, it [the torture] again animates it, and this empty, dismal life, is like an abyss, where day is not known: swallowing everything, good and evil, and never filling. glance at my pale brow, to notice the sad line of wrinkles, the uneven course of my speeches, my bitter laugh, my wild gaze, memory of the past days, and if you don't at once clearly read through all of my passions, then never, never will you understand the one, who for a thoughtless dream, for a moment, was pushed for centuries.

Я пережил звезду свою, —
Как дым рассыпалась она,
Рукой творца раздроблена;
Но смерти верной на краю,
Взирая на погибший мир,
Я жил один, забыт и сир.
По беспредельности небес
Блуждал я много, много лет
И зрел, как старый мир исчез
И как родился новый свет;
И страсти первые людей
Не скрылись от моих очей.
И ныне я живу меж вас,
Бессмертный, смертную люблю
И с трепетом свиданья час,
Как пылкий юноша, ловлю.
Когда же род людей пройдет
И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удалюся мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу.

I outlived my star, - like smoke it scattered, shattered by the hand of the Creator; but on the border of true death gazing at the perished world, I lived alone, forgotten and forlorn. Along the unboundedness of the heavens I wandered for many, many years and beheld as the old world disappeared and as a new light was born; and the first passions of people were not hidden from my eyes. And now I live among you, immortal, I love mortals and with trembles like an ardent youth, I await the hour of meeting. When that line of people passes through and eternity breaks the earth, having listened to that terrible trumpet, I will move away to a new world and stand there, forlorn as before, to weep over my own fate.

Вот повесть чудная моя.
Поверь иль нет — мне всё равно:

Доверчивое сердце я
Привык не находить давно.
Однако ж я молю: поверь
И тем тоску мою умерь.
Никто не мог тебя любить
Так пламенно, как я теперь.
Что сердце попусту язвить,
Зачем вдвойне его казнить?
Но нет, ты плачешь. Я любим,
Хоть только существом одним,
Хоть в первый и последний раз.
Мой ум светлей отныне стал,
И, признаюсь, лишь в этот час
Я умереть бы не желал.

There is my miraculous tale. Believe it or nor – it's all the same to me.

Long ago I became accustomed to not finding a trusting heart. However I pray: believe and so will die my melancholy. No one can love you so ardently as I do now. It's in vain to sting my heart [with sarcasm], so why punish it doubly? But no, you cry. I am loved, though only by one being, though for the first and final time. My mind became bright, and I recognize, that from this moment henceforth I do not wish to die.

Дева. Я тебя не понимаю, Азраил, ты говоришь так темно. Ты видел другой мир, где ж он? В нашем законе ничего не сказано о людях, живших прежде нас.

Азраил. Потому что закон Моисея не существовал прежде земли.

Дева. Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраил бледнеет.

Я пришла сюда, чтобы с тобой проститься, мой милый. Моя мать говорит, что покамест это должно, я иду замуж. Мой жених славный воин, его шлем блестит как жар, и меч его опаснее молнии.

Азраил. Вот женщина! Она обнимает одного и отдает свое сердце другому!

Дева. Что сказал ты? О, не сердись.

Азраил. Я не сержусь, (горько) и за что сердиться?

MAIDEN

I understand you, Azrail, you speak so darkly. You saw a different world, and where is it [now]? In our laws nothing is said about people who lived before us.

AZRAIL

Because the law of Moses did not exist before the earth.

MAIDEN

Enough of this, you just want to scare me.

Azrail pales.

(MAIDEN)

I came here to bid farewell to you, my darling. My mother says, that now it's time I ought to get married. My fiancé is a glorious warrior, his helmet shines like embers, and his sword is more dangerous than lightning.

AZRAIL

There's woman for you! She hugs one [man] and gives her heart to another!

MAIDEN

What did you say? Oh, don't be angry.

AZRAIL

I am not angry, (bitterly) and why would I be angry?